

Baskin
В. С. БАСКИНЪ.

РУССКІЕ КОМПОЗИТОРЫ.

I.

А. Г. Рубинштейнъ.

(Очеркъ музыкальной дѣятельности.)

~~~~~  
Издание П. Юргенсона.  
~~~~~

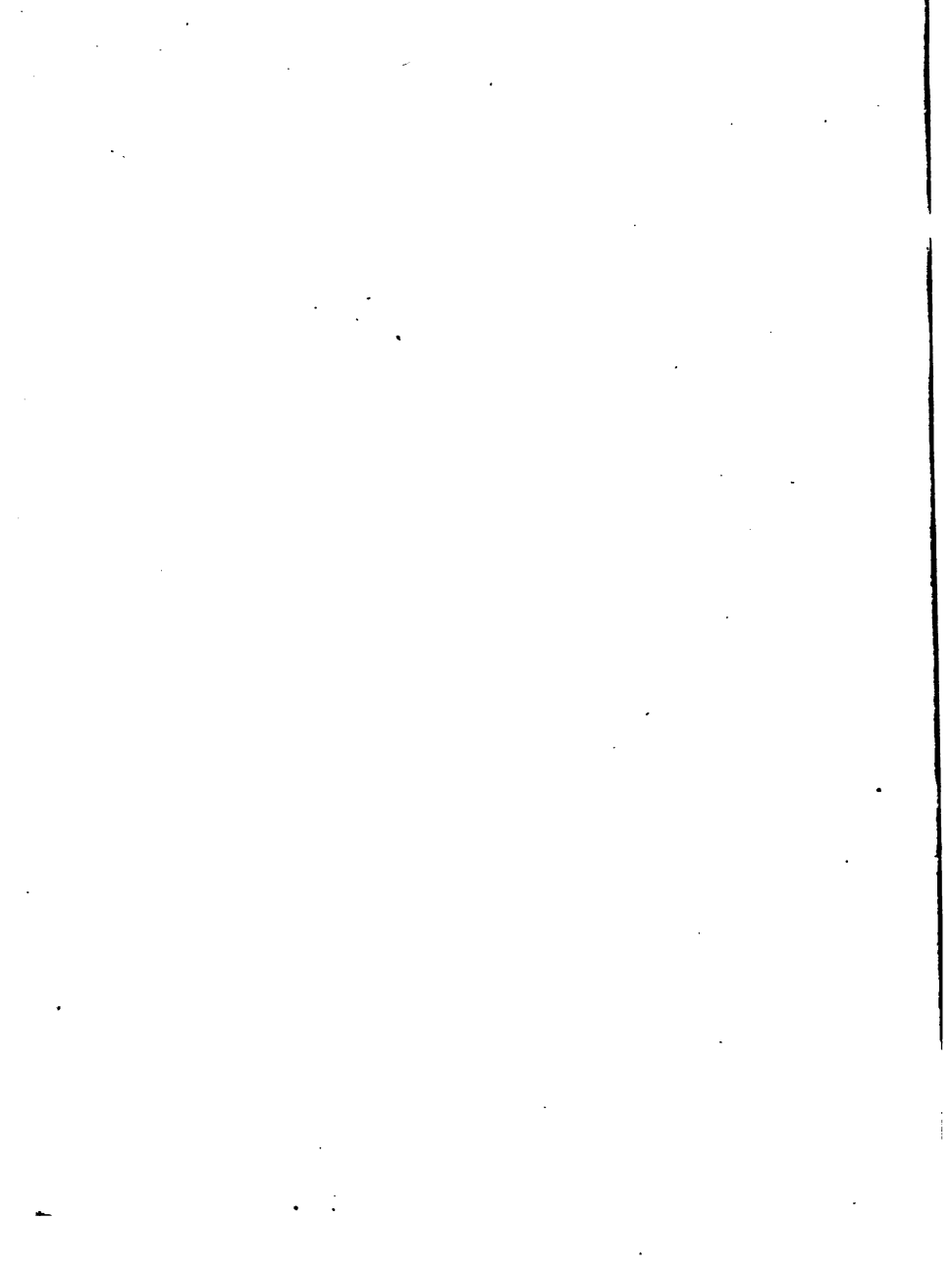
МОСКВА.

ТИПОГРАФІА Э. ЛИСНЕРЪ и Ю. РОМАНЪ, АРЕАТЬ, Д. ПЛАТОНОВЪ
1886.

~~~~~  
Дозволено цензурою. Москва, 13-го января 1886 г.  
~~~~~

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Краткія біографическія свѣдѣнія.	1
2. Оперы: <i>Фераморъ</i> и <i>Демонъ</i>	11
3. <i>Маккавей</i>	21
4. <i>Купецъ Калашниковъ</i>	31
5. <i>Неронъ</i>	37
6. Симфоніи	46
7. Концертная и камерная музыка.	57
8. Романсы.	69
9. Духовныя оперы. Письмо А. Г. Рубинштейна. <i>Потерянный Рай</i> и <i>Вавилонская башня</i>	76
10. Заключение	92
11. Перечень произведеній Рубинштейна по „opus'амъ“.	98

А. Г. Рубинштейнъ *).

(Очеркъ музыкальной дѣятельности.)

I.

Имя знаменитаго виртуоза и композитора Антона Григорьевича Рубинштейна уже давно гремитъ не только у насъ и на западѣ Европы, но и въ Америкѣ; оно давно уже популярно и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ; не только музыкальный міръ, для котораго это имя стало нарицательнымъ, но и всякій маломальски интеллигентный человѣкъ, не говоря уже о любителяхъ музыки, безъ сомнѣнія, слыхалъ его или о немъ. Въ видахъ такой обширной извѣстности Антона Григорьевича, задача человѣка, который пожелалъ бы сдѣлать біографическій очеркъ его жизни въ связи съ обзоромъ его дѣятельности, значительно осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый въ правѣ ожидать чего-нибудь необыкновеннаго, новаго; интересъ и любовь публики къ этому обаятельному имени слишкомъ велики, чтобы довольствоваться обыкновенной журнальной статьей. А между тѣмъ останавливаться подробно на всѣхъ его произведеніяхъ, сдѣлать

*) Статья эта была напечатана въ журналѣ „Русская Мысль“ (1885 г. Январь и Сентябрь).

надлежащую оцѣнку всей совокупной его дѣятельности, опредѣлить его положеніе и значеніе для искусства вообще, и въ особенности для нашего, теперь почти невозможно: композиторъ живъ и можетъ подарить насъ еще многими произведеніями, тѣмъ болѣе, что онъ чрезвычайно плодovitъ и далеко еще не старъ; далѣе, хотя трудно ожидать, чтобы г. Рубинштейнъ, выработавшій путемъ изученія и опыта извѣстный взглядъ на искусство, которому онъ съ такой честью служить, перемѣнилъ его или же отступилъ отъ извѣстныхъ созданныхъ имъ себѣ идеаловъ, но въ видахъ одной лишь возможности такого отклоненія, котораго, повторяемъ, нельзя ожидать, біографу уже рискованно сказать свое окончательное мнѣніе, а тѣмъ болѣе рѣшить вопросъ о мѣстѣ, которое долженъ занимать композиторъ у насъ. Кромѣ того, вопросъ о пристрастіи въ ту или другую сторону, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда данное имя породило лагери и партіи, тоже долженъ играть не маловажную роль при обзорѣ и характеристикѣ его дѣятельности; малѣйшее уклоненіе вправо или влево даетъ другое освѣщеніе извѣстному факту или разбору и ставитъ пишущаго въ ряды pro или contra; быть по возможности объективнымъ — вотъ единственно возможный путь при такихъ условіяхъ.

Этотъ же путь, вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣмся, избавить насъ отъ нареканій со стороны недоброжелателей Антона Григорьевича, которые могли бы выставить на видъ, что еще при жизни композитора мы уже даемъ и жизненный очеркъ, и обзоръ его дѣятельности. Подобный упрекъ едва ли основателенъ, если вспомнимъ, что на Западѣ такія явленія бываютъ сплошь да рядомъ; тамъ не только пишутся біографическіе очерки живущихъ выдающихся дѣятелей, но и памятники ставятся имъ при жизни; отчего же намъ не

ограничиться скромнымъ біографическимъ очеркомъ? Мы увѣрены, что какимъ бы онъ ни оказался слабымъ и недостаточно полнымъ, ибо о дѣятельности А. Г. Рубинштейна можно написать цѣлые томы, все же онъ будетъ имѣть нѣкоторый интересъ для извѣстной части читающей публики. Если же иные, вслѣдствіе какихъ бы то ни было побужденій, найдутъ этотъ очеркъ преждевременнымъ и слишкомъ поспѣшнымъ, то... рискуемъ только имъ не угодить.

Дѣятельность А. Г. до того разностороння и обширна, что приходится дѣлать ее на группы, чтобы какъ-нибудь ориентироваться въ этой массѣ произведений. Во-первыхъ, Рубинштейнъ, скажемъ словами „новаторовъ“, „феноменальный пианистъ“; во-вторыхъ, онъ композиторъ, давшій цѣлую литературу произведений во всѣхъ родахъ композиціи, начиная съ фортепіанныхъ пьесъ и кончая камерной музыкой, симфоническими поэмами и операми; въ-третьихъ, онъ извѣстный педагогъ; если бы онъ даже ограничился однимъ только основаніемъ нашей музыкальной *almae matris*, — консерваторіи, — то и тогда его имя ужъ должно было бы быть внесено въ лѣтописи нашего искусства; далѣе, Рубинштейнъ — замѣчательный дирижеръ и рѣдкихъ достоинствъ аккомпаниаторъ, едвали имѣющій себѣ равныхъ у насъ; наконецъ онъ, какъ композиторъ, въ извѣстной области является своего рода реформаторомъ, основателемъ „духовной оперы“. Но первое мѣсто во всей лѣстницѣ его дѣятельности для насъ, разумѣется, занимаетъ его творчество, т.-е. то громадное количество произведений, которымъ онъ обогатилъ нашу музыкальную литературу; на ней-то мы болѣе всего и остановимся.

Конечно, говорить обо *всѣхъ* его фортепіанныхъ вещахъ, романсахъ, тріо, квартетахъ, квинтетахъ, симфоніяхъ, му-

выкальныхъ картинахъ, басняхъ, ораторіяхъ, концертахъ, этюдахъ и операхъ нѣтъ никакой возможности въ бѣгломъ очеркѣ, да едва ли и представляется необходимость, въ видахъ того, что композиторъ можетъ еще значительно увеличить количество своихъ произведеній; для желающихъ же познакомиться со *всѣми* названіями его трудовъ, какъ изданныхъ и вышедшихъ въ свѣтъ, такъ и неизданныхъ еще, до 1883 года, прилагаемъ въ концѣ очерка подробный списокъ его произведеній, составленный нами при содѣйствіи завѣдующаго конторой музыкальнаго магазина г. Юргенсона, г. Паздерика, и расположенный по опис'амъ въ порядкѣ, въ которомъ они появлялись въ свѣтъ. Мы остановимся лишь на самыхъ выдающихся его произведеніяхъ, пользующихся особенной извѣстностью или же отличающихся своимъ характеромъ, предварительно раздѣливъ ихъ по группамъ; такихъ группъ можетъ быть пять: оперы, симфоніи, камерная и концертная музыка, романсы и ораторіи.

О жизни Антона Григорьевича много говорить не придется. Родители его занимались торговлей и владѣли значительнымъ состояніемъ въ Валахія, но потеряли его въ процессѣ съ казною; они вынуждены были переселиться въ Москву, гдѣ отырыли карандашную фабрику. Антонъ Григорьевичъ родился въ деревнѣ Выхватенцѣ, Волынской губерніи, близъ Яссы, 18 ноября 1829 г., а младшій братъ его, достаточно извѣстный въ качествѣ первокласснаго піаниста и директора московской консерваторіи, нынѣ умершій, Николай Григорьевичъ, родился ужъ въ Москвѣ въ 1835 г. Первоначальнымъ музыкальнымъ образованіемъ обоихъ братьевъ занималась ихъ мать, женщина очень образованная и въ свое время извѣстная піанистка. Впослѣдствіи оба брата учились фортепіанной игрѣ у пользовавшагося въ то время большою по-

пударностью пианиста, А. Виллуана (Willoung). Девяти лѣтъ отъ роду (1838 г.) А. Г. уже игралъ публично и съ большимъ успѣхомъ. Черезъ годъ онъ отправился вмѣстѣ съ Виллуаномъ въ Парижъ, гдѣ игралъ предъ Ф. Листомъ, бывшимъ уже тогда въ полномъ блескѣ своей славы, который искренно предсказалъ ему великую будущность.

Въ 1844 г. оба брата увезены были матерью въ Берлинъ для усовершенствованія; здѣсь на молодые таланты братьевъ имѣли благотворительное вліяніе Мендельсонъ и извѣстный теоретикъ Денъ, у котораго также учился и М. И. Глинка и съ которыми они стали заниматься, по совѣту и указанію Мейербера. Смерть отца, случившаяся въ 1846 г., заставила мать пріѣхать съ Николаемъ въ Москву, гдѣ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ поступилъ въ университетъ (1851 г.), а Антонъ Григорьевичъ остался въ Вѣнѣ, откуда вскорѣ отправился концертировать. До 1848 г., когда композиторъ переехалъ снова въ Россію, онъ уже составилъ себѣ громкое имя своими концертами, какъ виртуозъ и феноменальный пианистъ. Къ слову, отмѣтимъ отличительныя свойства его исполненія, чтобы потомъ не возвращаться болѣе къ этому предмету, пройти молчаніемъ которое невозможно въ видахъ его исключительныхъ качествъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе и служившихъ до сихъ поръ предметомъ удивленія.

Обладая крайне мягкимъ, пріятнымъ туше въ ріано, замѣчательной силой удара въ forte, необычайной техникой, для которой не существуетъ никакихъ преградъ, изумительной легкостью и вѣрностью исполненія всевозможныхъ трудностей, въ видѣ арпеджіо, гаммъ, пассажей въ октавахъ и пр., восхитительнымъ ріано и ріаніссимо, громаднымъ вкусомъ и изяществомъ исполненія, Антонъ Григорьевичъ является еще къ этому истиннымъ *жрецомъ* искусства: въ его передачѣ

какъ своихъ пьесъ, такъ и произведеній величайшихъ корифеевъ фортепіанной литературы вы чувствуете то субъективное настроеніе, которое отождествляетъ исполняемое съ пережитыми авторомъ чувствами; онъ не только первоклассный исполнитель чужихъ произведеній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великій интерпретаторъ чувствъ, мыслей и настроеній, которыми проникнуты исполняемыя имъ вещи; въ немъ вы никогда не замѣтите того радостнаго чувства торжества надъ всѣми трудностями техники въ связи съ желаніемъ понравиться массѣ и вызвать единодушныя оваціи, которое такъ бросается въ глаза у *ремесленниковъ* искусства (Грюнфельдъ, Саразате); А. Г. Рубинштейнъ вдохновляется и творитъ; онъ самъ переживаетъ и страдаетъ... Оттого онъ и заставляетъ слушателей тоже переживать всѣ психическія перипетіи, волновавшія авторовъ исполняемыхъ имъ произведеній, оттого онъ такъ электризуетъ массу и вызываетъ оглушительные восторги ея и энтузіазмъ, не знающій предѣловъ; всѣ эти оваціи, аплодисменты, вѣнки и туши, сопровождающіе всегда и вездѣ его появленіе на эстрадѣ, — не болѣе, какъ слабое выраженіе благодарности за высокое эстетическое наслажденіе, доставленное его художественной игрой. Его изумительно щедро одаренная артистическая натура производитъ всюду на публику неотразимое очарованіе. Какъ замѣчательный художникъ, онъ въ каждую исполняемую вещь вноситъ нѣчто субъективное, никому, кромѣ него, несвойственное, почти неуловимое, но которое всегда чувствуется; онъ электризуетъ самыя апатичныя и даже немзыкальныя натуры. Эпитетъ „царь піанистовъ“ уже давнымъ давно за нимъ упроченъ вездѣ и повсюду. Его музыкальная эрудиція столь велика и обширна, что можно смѣло сказать: нѣтъ такого выдающагося музыкальнаго произведенія во всей фор-

тепличной литературѣ, котораго бы онъ не игралъ или не зналъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ піанистовъ, не исключая и Бюлова, Лешетидцаго, Менцера, Кеттена, Брассена и др., одинъ лишь Евгеній д'Альберъ нѣсколько напоминаетъ его. Впрочемъ, кому не извѣстна его игра, кто имъ не восторгался и кому онъ не доставлялъ высокихъ минутъ наслажденія?

Эти же качества не оставляютъ А. Г. и во главѣ оркестра, какъ дирижера, и какъ аккомпаниатора, придающаго жизни и воодушевленію, исполняемому произведенію, помогающаго солистамъ передать мысли композиторовъ и предугадывающаго настрѣнія исполнителей. Достаточно сказать, что гг. „передовики“ сопоставляютъ его, какъ аккомпаниатора, съ своимъ божкомъ, Мусоргскимъ: „развѣ только г. А. Рубинштейнъ можетъ равняться въ аккомпаниментѣ съ Мусоргскимъ“, говорятъ они. Выше этой похвалы отъ нихъ требовать невозможно. Намъ, по крайней мѣрѣ, приходится слышать отъ членовъ оркестра, что подъ его управленіемъ они „вдохновляются“ и что онъ вноситъ „свѣжія, живые струи“ въ исполняемыя вещи, являясь именно великимъ толкователемъ и комментаторомъ величайшихъ музыкальных произведеній.

До 1859 г. А. Г. неоднократно совершалъ большія артистическія путешествія по Европѣ, гдѣ все болѣе и болѣе упрочивалась его извѣстность, какъ художника-исполнителя; онъ уже и въ то время былъ несравненнымъ виртуозомъ. Около этого же времени онъ женился на Вѣрѣ Александровнѣ Чекуановой; отъ этого брака у композитора трое дѣтей, — Яковъ, Анна и Александръ.

Съ 1859 г. начинается особенно важный для русскаго искусства періодъ дѣятельности Рубинштейна; въ этомъ

тому, по его инициативѣ и при его стараніяхъ, основано было, при покровительствѣ великой княгини Елены Павловны, *Русское музыкальное общество*, а три года спустя, въ 1862 г., организована была *первая наша консерваторія* въ Петербургѣ, въ ожиданіи открытія которой уже существовали подъ его руководствомъ музыкальные классы при Михайловскомъ дворцѣ. А. Г. Рубинштейнъ былъ директоромъ этой консерваторіи пять лѣтъ, до 1867 г. Со времени открытія консерваторіи [въ 1865 г. основана другая въ Москвѣ, директоромъ которой былъ его братъ] у насъ начинается правильное и систематическое музыкальное образованіе. Ставъ во главѣ русской музыкальной жизни, съ одной стороны, въ качествѣ педагога, изъ-подъ руководства котораго вышли такіе ученицы, какъ, г-жи Тимамова, приобрѣвшая европейскую извѣстность, и Терминская, сдѣлавшая себя, какъ прекрасная преподавательница, а, съ другой стороны, какъ главный двигатель нашего ознакомленія съ классическими музыкальными образцами, Рубинштейнъ быстро поднялъ уровень музыкальнаго образованія общества и, распространяя здравые и трезвые взгляды на музыку, какъ на предметъ серьезнаго изученія, онъ положилъ начало тому стремленію къ вѣрнымъ художественнымъ задачамъ и цѣлямъ, результатами котораго Россія обязана ему въ настоящее время. Эти великіе заслуги никогда не должны быть забыты.

Петербургской консерваторіи мы обязаны такими именами, какъ Чайковский, окончившій ее однимъ изъ первыхъ, г-жи Лавровская, Каменская, Крутикова, Вичурина и др. Она же вмѣстѣ съ другими, образовавшимися впоследствии консерваторіями, доставляетъ главный контингентъ пѣвцовъ и музыкантовъ, которыми пополняется составъ нашихъ опер-

нихъ. труппъ и оркестровъ. Являясь рассадникомъ систематическаго музыкальнаго образованія, наши консерваторіи ежегодно выпускають значительное количество, если не перво-классныхъ силъ, то, по крайней мѣрѣ, подготовленныхъ музыкантовъ. Однако, несмотря на видимую пользу, приносимую этимъ музыкальными учебными заведеніями, находятся у насъ люди, причисляющіе себя почему-то къ „національной“ партіи, которые утверждаютъ, что не нужно учиться, а надо быть самородками и самоучками, что не нужно основательнаго знакомства съ предметомъ своей спеціальности, а достаточно ухватить себя, что я, дескать, скрипачъ, пѣвецъ, композиторъ или піанистъ, чтобы быть „необычайнымъ, первымъ въ мірѣ, небывалымъ, неслыханнымъ и невиданнымъ, славящимъ формы и мысли, гениемъ“ и пр. Добро бы еще, еслибъ эти „націоналисты“ указали соей методъ всесторонняго ознакомленія съ музыкой, такъ нѣтъ: отрицая существоющее и находя его ненужнымъ, они только этимъ и ограничиваются. Къ счастью для развитія нашего музыкальнаго дѣла, никто ихъ не слушаетъ, а если находятся такіе, то они „насмѣхаются и уходятъ прочь“, какъ вѣрно сообщаетъ г. Стасовъ въ своихъ статьяхъ.

Въ 1872 г. Рубинштейнъ совершилъ путешествіе съ артистическою цѣлью по Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, бывшее для него цѣлымъ рядомъ триумфовъ и оваций и доставившее ему въ Новомъ Свѣтѣ такую же извѣстность, какою онъ пользуется въ Старомъ. Еще не такъ давно онъ концертировалъ въ Россіи, Англіи, Германіи и Франціи и вездѣ привлекалъ тысячи людей своей безподобной виртуозной игрой.

Въ настоящую минуту онъ приводитъ въ восторгъ Петербургъ и Москву своими историческими концертами послѣ

возвращенія изъ-за границы; гдѣ онъ этими концертами вызывалъ безконечныя оваціи. Концерты эти, доставляя слушателямъ величайшее эстетическое наслажденіе, имѣютъ для него въ то же время и воспитательное значеніе, какъ не трудно убѣдиться изъ программъ, въ которыя входятъ всѣ выдающіяся произведенія великихъ европейскихъ творцовъ музыкальной литературы. Мысль познакомить массу съ историческимъ обзоромъ фортепіанной литературы — достойна А. Г.; это — великая заслуга.

Но славу артиста еще Гейне назвалъ эфемерной и сравнилъ ее съ дымомъ, разсѣвающимся въ воздухѣ и превращающимся въ ничто; для потомства и будущихъ поколѣній она останется однимъ лишь звукомъ, именемъ. На большую или меньшую долговѣчность памяти, по себѣ можетъ претендовать лишь тотъ изъ художниковъ, кто оставляетъ послѣ себя какіе-нибудь труды; кто одаренъ талантомъ, кромѣ произведеній, создавать и творить въ области искусства, кто можетъ еще при жизни создать себѣ „нерукотворный памятникъ“.

Рубинштейна природа надѣлила и этимъ даромъ, который онъ сталъ развивать съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Страссть къ композиторству всегда была существеннымъ элементомъ его художественной натуры, одаренной богатой фантазіей, методическимъ вдохновеніемъ и замѣчательной гибкостью таланта. Безспорно, у него есть недостатки, на которые мы укажемъ ниже, но вмѣстѣ съ ними есть и громадныя достоинства, берущія перевѣсъ надъ ними. Нѣтъ такой музыкальной формы, надъ которой онъ не попробовалъ бы работать: и въ области которой онъ не далъ бы хорошихъ произведеній; конечно, не всѣ первоклассныя и образцовыя, но невозможно же требовать, чтобы всѣ (больше 180) сочиненія были одинаковаго достоинства.

Во время всей своей трудовой жизни и разносторонних занятий онъ всегда удѣлялъ часы досуга композиціи и творчеству, до тѣхъ поръ, пока, упрочивъ свое состояніе, теперь не сталъ всецѣло предаваться любимому имъ дѣлу. Творческая его дѣятельность изумительна по многосторонности, невѣроятной быстротѣ и неутомимости работы; говорятъ, что одна изъ лучшихъ его оперъ, *Демонъ*, написана въ три мѣсяца. Достаточно упомянуть о пяти симфоническихъ картинахъ, пяти концертахъ для фортепіано, нѣсколькихъ увертюрахъ, тріо, квартетахъ, тринадцати операхъ, двухъ ораторіяхъ и цѣлой массѣ романсовъ, чтобы убѣдиться въ глубокости этого разнохарактернаго таланта. Переходя къ его оперной дѣятельности, какъ самой выдающейся и болѣе популярной части его трудовъ, остановимся на болѣе извѣстныхъ изъ нихъ, шедшихъ и идущихъ на нашихъ сценахъ: на *Демонъ*, *Маккавейскъ*, *Куликовская битва*, *Калишниковъ* и *Неронъ*, поставленномъ у насъ два года тому назадъ.

II.

Къ самымъ первымъ опернымъ произведеніямъ, на которыхъ слѣдуетъ скорѣе смотрѣть, какъ на пробы композиторскаго пера, чѣмъ какъ на труды, имѣющія право на извѣстность и значеніе, относится его опера *Куликовская битва*, написанная еще до 1850 г. и поставленная на петербургской сценѣ въ 1852 г.; опера при тогдашнихъ условіяхъ имѣла успѣхъ. Въ слѣдующемъ 1853 г. имъ написаны одноактныя оперы *Сибирскіе охотники* и *Вомжа дурачекъ*; послѣдняя была поставлена на сценѣ, но авторъ послѣ перваго представленія просилъ снять ее съ репертуара. О подобныхъ произведеніяхъ, композиторы обыкновенно вспоминаютъ съ улыбкой.